

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

ПОНЯТИЙНЫЙ АППАРАТ ИНФОРМАЦИОННОГО ПРАВА В СУДЕБНОЙ И АДМИНИСТРАТИВНОЙ ПРАКТИКЕ КОНТРОЛЬНО-НАДЗОРНЫХ ОРГАНОВ

М. И. Паршуков¹¹ Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева (Екатеринбург, Россия)

АННОТАЦИЯ

Введение. Актуальность темы исследования продиктована значением информации и информационных технологий, которые стали определять динамику развития современного общества, что определяет особую роль и ценность информационного права в регулировании общественных отношений, возникающих в информационной сфере. В условиях терминологического несовершенства и противоречивости информационного законодательства судебные органы, в частности Конституционный Суд РФ и Верховный Суд РФ, вынуждены принимать активное участие в формировании понятийного аппарата информационного права, осуществляя своего рода судебное правотворчество (в части дефиниций в широком смысле).

Материалы и методы. Исследование носит во многом теоретико-методологический характер и основано на анализе фундаментальных работ в области общей теории права, административного, конституционного и информационного права. Для выявления существующих проблем и обоснования предложений по совершенствованию понятийного аппарата информационного права применялись методы сравнительного анализа, экспертной оценки. Был проведен контент-анализ актов Конституционного Суда РФ, Верховного суда РФ, ведомственных актов Роскомнадзора.

Результаты и выводы. Конституционный Суд РФ выявляет конституционно-правовой смысл законодательного регулирования и значения юридических понятий информационной сферы, что является необходимым процессом для установления границ на основе принципов правовой системы.

Верховный Суд РФ и арбитражные суды в рамках своих полномочий осуществляют толкование, разъясняя значение терминов, смысл которых должен быть конкретизирован для правоприменителей. Это часто касается специальных, узкопрофессиональных понятий информационного права.

Тенденцией судебного правотворчества в сфере понятий является то, что суды, сталкиваясь с несовершенством юридической техники (отсутствием четкой и однозначной терминологической базы), прибегают к консолидированному и уточняющему толкованию для обеспечения правовой определенности. Судебная практика, устанавливая своеобразные правовые стандарты (эталонные) профессиональной терминологии, фактически компенсирует пробелы законодателя, поскольку их разъяснения являются обязательными для всей правоприменительной практики.

Рассмотрены акты Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ, Высшего арбитражного суда РФ, в которых рассматривалось содержание тех или иных информационно-правовых понятий.

Сделан вывод, что судебная практика выступает одновременно и как фактор развития понятийного аппарата, и как источник его усложнения и потенциальной противоречивости.

Наряду с судебной системой существенное влияние на формирование практического содержания понятийного аппарата информационного права оказывают административные органы, наделенные контрольно-надзорными полномочиями в данной сфере. Их деятельность, включающая издание разъяснений, ведение реестров, проведение проверок и привлечение к ответственности, во многом определяет, как законодательные нормы и дефиниции применяются на практике.

Ключевыми регуляторами при этом выступают Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), Федеральная служба по техническому

© Паршуков М. И., 2025

Open Access This article is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License, which permits use, sharing, adaptation, distribution and reproduction in any medium or format, as long as you give appropriate credit to the original author(s) and the source, provide a link to the Creative Commons license, and indicate if changes were made.



и экспортному контролю (ФСТЭК России) и Федеральная служба безопасности (ФСБ России), а также профильные министерства и ведомства. Указанные органы государственной власти в процессе применения нормативных правовых актов дают им определенное толкование, которое затем или принимается судами, или корректируется.

Правоприменительная практика не просто применяет существующие законодательные дефиниции, но активно участвует в их корректировке. Необходимость разрешать конкретные споры, возникающие в условиях быстро меняющейся технологической и социальной среды, заставляет суды и регуляторов постоянно адаптировать и переосмысливать содержание правовых понятий.

Проведенное исследование показало, что современный понятийный аппарат информационного права России нельзя признать полностью целостным и согласованным.

В сложившейся ситуации правоприменительным органам следует активнее пользоваться возможностями официального разъяснения. Судебным органам необходимо активнее соотносить конституционные права и вызовы цифровой эпохи, конкретизируя спорные понятия, устанавливая требуемые рамки толкования.

Обсуждение. Проведенное исследование подтверждает необходимость успешной реализации практики судебного нормотворчества и разъяснительной работы регуляторов в целях совершенствования понятийного аппарата информационного права, повышения эффективности правоприменительной деятельности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Информация, декодирование сообщений, информационное право, информационные технологии, конституционная терминология, обладатель информации, персональные данные, понятийный аппарат, судебная дефиниция, судебное нормотворчество.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Паршуков М. И. Понятийный аппарат информационного права в судебной и административной практике контрольно-надзорных органов // Муниципалитет: экономика и управление. 2025. № 4. С. 57–68. EDN IUMQAG.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Паршуков Михаил Игоревич – кандидат юридических наук; Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева (620066, Россия, г. Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21) – *доцент кафедры информационного права*; m-parshukov@usla.ru. SPIN 7174-9316, ORCID 0000-0002-4008-6617.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СРЕДСТВ ИИ

Автор заявляет о том, что при написании данной статьи не применялись средства генеративного искусственного интеллекта.

Статья поступила 14.10.2025; рецензия получена 14.11.2025; принята к публикации 21.11.2025.

SCIENTIFIC ARTICLE

THE CONCEPTUAL FRAMEWORK OF INFORMATION LAW IN THE SUPERVISORY AUTHORITIES JUDICIAL AND ADMINISTRATIVE PRACTICE

M. I. Parshukov¹

¹ Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Ekaterinburg, Russia)

ABSTRACT

Introduction. The relevance of this research topic is dictated by the importance of information and information technologies, which began to determine the dynamics of modern society, defining the special role and value

of information law in regulating social relations arising in the information sphere. Given the terminological imperfections and inconsistencies of information legislation, judicial bodies, in particular the Constitutional Court of the Russian Federation and the Supreme Court of the Russian Federation, are forced to actively participate in the development of the conceptual apparatus of information law, exercising a form of judicial lawmaking (in terms of definitions in the broad sense).

Materials and Methods. The study is largely theoretical and methodological in nature and is based on the analysis of fundamental works in the fields of general legal theory, administrative, constitutional, and information law. To identify the existing problems and substantiate proposals for improving the conceptual apparatus of information law, comparative analysis and expert assessment have been used. A content analysis of acts of the Constitutional Court of the Russian Federation, the Supreme Court of the Russian Federation, and departmental acts of Roskomnadzor has been conducted.

Results and Conclusions. The Constitutional Court of the Russian Federation defines the constitutional and legal meaning of legislative regulation and the meaning of legal concepts in the information sphere, which is a necessary process for establishing boundaries based on the principles of the legal system.

The Supreme Court of the Russian Federation and arbitration courts, within their authority, interpret and clarify the meaning of terms which meaning must be clarified for law enforcement. This often concerns specialized, highly specialized concepts of information law.

A trend in judicial lawmaking in the area of concepts is that courts, faced with imperfect legal technique (the lack of a clear and unambiguous terminology basis), resort to consolidated and clarifying interpretations to ensure legal certainty. Judicial practice, by establishing unique legal standards (benchmarks) for professional terminology, effectively compensates for legislative gaps, as their clarifications are mandatory for all law enforcement practice.

The acts of the Constitutional Court of the Russian Federation, the Supreme Court of the Russian Federation, and the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation, which addressed the content of various information law concepts, have been examined.

It has been concluded that judicial practice acts both as a factor in the development of the conceptual apparatus and as a source of its complexity and potential inconsistency.

Along with the judicial system, administrative bodies vested with supervisory and regulatory powers in this area exert a significant influence on the practical content of the conceptual apparatus of information law. Their activities, including issuing clarifications, maintaining registers, conducting inspections, and imposing liability, largely determine how legislative norms and definitions are applied in practice.

The key regulators in this regard are the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media (Roskomnadzor), the Federal Service for Technical and Export Control (FSTEC of Russia), and the Federal Security Service (FSB of Russia), as well as relevant ministries and agencies. These government bodies, when applying regulatory legal acts, provide them with specific interpretations, which are then either accepted by the courts or amended.

Law enforcement practice not only applies existing legislative definitions but actively participates in their revision. The need to resolve specific disputes arising in a rapidly changing technological and social environment forces courts and regulators to constantly adapt and revise the content of legal concepts.

The study showed that the current conceptual framework of information law in Russia cannot be considered fully coherent and consistent.

In the current situation, law enforcement agencies should more actively utilize the opportunities offered by the official clarification. Judicial bodies have to more actively balance constitutional rights with the challenges of the digital age, clarifying disputed concepts and establishing the required framework for interpretation.

Discussion. The study confirms the need for successful implementation of judicial rulemaking and regulatory outreach to improve the conceptual framework of information law and enhance the effectiveness of law enforcement.

KEYWORDS

Information, decoding messages, information law, information technology, constitutional terminology, information holder, personal data, conceptual framework, judicial definition, judicial rulemaking.

FOR CITATION

Parshukov M. I. (2025) The conceptual framework of information law in the supervisory authorities judicial and administrative practice. *Municipality: Economics and Management*, (4), 57–68. <https://elibrary.ru/iuvmqag>.

AUTHOR'S INFORMATION

Mikhail I. Parshukov – Candidate of Legal Sciences; Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (620066, Russia, Yekaterinburg, Komsomolskaya St., 21) – *Associate Professor of the Information Law Department*; m-parshukov@usla.ru, SPIN 7174-9316, ORCID 0000-0002-4008-6617.

CONFLICT OF INTEREST

The authors declare interest conflict lack.

USE OF AI TOOLS DECLARATION

The authors declare that they have not used Artificial Intelligence (AI) tools for writing this article.

The article was submitted 14.10.2025; reviewed 14.11.2025; accepted for publication 21.11.2025.

Введение

Информационные технологии стали определять динамику развития современного общества, что определяет особую роль и ценность информационного права в регулировании общественных отношений, возникающих в информационной сфере [1; 2]. В условиях терминологического несовершенства и противоречивости информационного законодательства судебные органы, в частности Конституционный Суд РФ и Верховный Суд РФ, вынуждены принимать активное участие в формировании понятийного аппарата информационного права, осуществляя своего рода судебное правотворчество (в части дефиниций в широком смысле) [3; 4; 5].

Акты названных судебных органов представляют собой заметный, бурно развивающийся массив в системе источников права, которые служат основными ориентирами для правоприменителей [3]. В судебной практике используется прием разъяснения понятия (дефиниции в широком смысле), помещенного в законодательстве, что важно для единообразного применения законодательства¹ [3; 4].

Конституционный Суд РФ выявляет конституционно-правовой смысл законодательного регулирования и значения юридических понятий, что является необходимым процессом для установления границ на основе принципов правовой системы [6]. Стоит согласиться с И. В. Выдриным, А. С. Морозовой, утверждающими, что сложившаяся практика КС РФ способствует укреплению единообразия в понимании положений законодательства и создает условия для обеспечения единства судебной практики [7].

Например, при проверке конституционности положений закона КС РФ учитывает не только буквальный смысл, но и толкование, данное правоприменительной практикой, что позволяет выявлять разносмысловую гамму правовых норм [8]. В одном из постановлений КС РФ уточнил легальную дефиницию «национально-культурная автономия», добавив существенный качественный признак, не отраженный в исходном федеральном законе, тем самым конкретизируя ее объем².

Верховный Суд РФ и арбитражные суды в рамках своих полномочий осуществляют толкование,

разъясняя значение терминов, смысл которых должен быть конкретизирован для правоприменителей. Это часто касается специальных, узкопрофессиональных юридических понятий (например, в трудовом праве по аналогии с информационным) [3].

Тенденцией судебного правотворчества в сфере понятий является то, что суды, сталкиваясь с несовершенством юридической техники (отсутствием четкой и однозначной терминологической базы) [4; 6], прибегают к консолидированному и уточняющему толкованию для обеспечения правовой определенности [8]. Судебная практика, устанавливая своеобразные правовые стандарты (эталон) профессиональной терминологии, фактически компенсирует пробелы законодателя, поскольку их разъяснения являются обязательными для всей правоприменительной практики [3].

Судебная практика играет значительную роль в процессе интерпретации и применения норм информационного права, оказывая влияние на реальное содержание его понятийного аппарата. Анализ решений судов по информационным спорам выявляет, как на практике работают легальные дефиниции и где требуются дополнительные толкования.

Суды, сталкиваясь с необходимостью разрешения конкретных споров в динамично развивающейся информационной сфере, вынуждены конкретизировать зачастую абстрактные законодательные дефиниции, адаптировать их к новым технологическим и социальным реалиям, а иногда и заполнять существующие пробелы в правовом регулировании. Анализ этой практики позволяет выявить как тенденции к унификации понимания отдельных терминов, так и существующие противоречия и проблемные зоны.

Представляется необходимым разграничить функции толкования и правотворчества в деятельности судебных органов.

По обоснованному мнению Б. П. Спасова, судебное толкование представляет собой процесс уяснения и разъяснения смысла действующих правовых норм, который является необходимой предпосылкой для их применения и теоретического исследования. Толкование призвано лишь раскрыть волю законодателя, содержащуюся

¹ Авакьян С. А. Конституционный лексикон : государственно-правовой терминологический словарь. М. : Юстицинформ, 2015. С. 116, 165.

² Авакьян С. А. Конституционный лексикон : государственно-правовой терминологический словарь. М. : Юстицинформ, 2015. С. 116, 165.

в действующем правовом правиле поведения, но не создает нового правила поведения³.

В этом смысле акты судебного толкования (например, разъяснения Пленумов Верховного Суда РФ) являются интерпретационными актами в строгом, узком смысле слова, не обладающими природой правотворчества⁴ [9].

Вместе с тем, в условиях наличия пробелов и неясностей информационного законодательства (особенно в части понятийного аппарата), судебная практика выходит за рамки строгого толкования, осуществляя деятельность, которую можно охарактеризовать как судебное нормотворчество, чертами которого является вынужденный, производный характер; формирование противоположений; восполнение пробелов [10; 11].

Таким образом, если толкование раскрывает смысл, заложенный в норму, то судебное нормотворчество создает новое, основанное на законодательстве правило (или определение), необходимое для разрешения конкретных правовых коллизий, вызванных несовершенством или пробелами нормативной базы.

Материалы и методы

Исследование носит во многом теоретико-методологический характер и основано на анализе фундаментальных работ в области общей теории права, административного, конституционного и информационного права. Для выявления существующих проблем и обоснования предложений по совершенствованию понятийного аппарата информационного права применялись методы сравнительного анализа, экспертной оценки. Был проведен контент-анализ актов Конституционного Суда РФ, Верховного суда РФ, ведомственных актов Роскомнадзора.

Результаты

Рассмотрим судебные акты Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ, Высшего арбитражного суда РФ, в которых рассматривалось содержание тех или иных информационно-правовых понятий.

Можно выделить следующие общие тенденции судебной практики, рассматриваемые отдельными авторами как практики судебного нормотворчества [12] применительно к понятийному аппарату информационного права.

Первой из таких тенденций в деятельности судов высших инстанций является уточнение размытых понятий и устранение неопределенности.

Суды при рассмотрении дела стараются придать содержательность слишком общим нормам.

Конституционный Суд РФ неоднократно рассматривал дела, связанные с законодательством об информации, где истцы указывали на неясность или неконституционность отдельных терминов и норм. В рамках таких дел КС РФ дает обязательное толкование закона, зачастую формируя конституционно-правовой смысл понятий [13].

Например, в Постановлении КС РФ от 26.10.2017 № 25-П по делу А. И. Сушкова⁵ дается толкование понятия «обладатель информации». Это дело напрямую касалось определения этого понятия (ст. 2 Закона об информации). Заявитель, гражданин А. И. Сушков, оспорил конституционность пункта 5 статьи 2, где дано понятие «обладатель информации» – лицо, самостоятельно создавшее информацию либо получившее на основании закона или договора право разрешать или ограничивать доступ к информации. Суд, рассмотрев жалобу, подтвердил конституционность оспоренной нормы, но при этом разъяснил ее смысл и указал, что само по себе определение понятия «обладатель информации» не устанавливает ответственности, а лишь описывает субъект, контролирующий доступ. В контексте трудовых отношений работник, имеющий доступ к чужим конфиденциальным сведениям, не становится их «обладателем» в смысле данного закона – обладателем остается работодатель (организация), а работник связан обязанностями не разглашать и соблюдать режим тайны. Суд сузил возможное расширительное истолкование и указал следующее: «понятие “обладатель информации” должно применяться только к тому, кто уполномочен определять режим доступа, а не к любому, кто фактически получил информацию». Данное разъяснение имело практическую значимость, так как оно предотвращает произвольное приравнивание рядовых сотрудников к полноправным обладателям информации со всеми вытекающими обязанностями.

В Определении Конституционного Суда РФ от 17.07.2018 № 1726-О по делу М. Р. Дарбиняна⁶ была сформулирована правовая позиция относительно понятия информационного агентства, определение которого ранее содержалось в утратившем силу Федеральном законе «О государственной поддержке средств массовой информации и книгоиздания Российской Федерации» [14].

При рассмотрении дел с нарушением прав в информационной сфере, суды разбираются с такими конкурирующими ценностями, как «свобода поиска и распространения информации» и «охрана частной жизни, репутации, безопасности государства» [15]. Суды, особенно КС РФ и ВС

³ Спасов Б. П. Закон и его толкование. М.: Юрид. лит., 1986. С. 33, 98, 114–115.

⁴ Спасов Б. П. Указ. соч. С. 159–160.

⁵ Постановление Конституционного Суда России от 26 октября 2017 года № 25-П // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 30.09.2025).

⁶ Определение Конституционного Суда России от 17 июля 2018 года № 1726-О // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 30.09.2025).

РФ, вырабатывают правила приоритета в каждом конкретном случае, пытаясь достигнуть баланса интересов участников информационных отношений⁷, Высший арбитражный суд РФ предупредил о недопустимости злоупотребления правом на информацию, раскрыл содержание этого понятия⁸. Например, по делам о распространении информации в сети Интернет ВС РФ требует от нижестоящих судов проверять, затрагивает ли информация общественный интерес. Если да, то критика в адрес публичного лица допускается в более широких пределах, а если дело касается частного лица, то защита чести, достоинства и деловой репутации превалирует. Как следствие, в содержание понятия «порочащие сведения» добавляется элемент значимости для общества⁹.

Второй тенденцией является использование расширительного толкования в целях восполнения пробелов.

Компания Telegram Messenger LLP оспорила в ВС РФ приказ ФСБ № 432 от 19.07.2016 г., который устанавливал порядок предоставления организаторами распространения информации ключей для декодирования сообщений пользователей. Юристы Telegram утверждали, что ФСБ РФ, требуя универсальные ключи шифрования, выходит за рамки законодательства, фактически пытаясь получить доступ к переписке всех пользователей без судебного решения, что нарушает конституционные права (тайну переписки). ФСБ РФ же настаивала, что закон обязывает организатора распространения информации хранить и при необходимости предоставлять информацию, необходимую для декодирования сообщений, а приказ лишь конкретизирует эту обязанность.

Верховный Суд РФ отказал Telegram в удовлетворении административного иска, признав приказ ФСБ РФ законным¹⁰. В решении суд поддержал позицию, что ключи шифрования – это информация, предоставление которой предусмотрено законом, и их передача спецслужбе не является непосредственным раскрытием переписки конкретных лиц без санкции суда (т.е. формально не нарушает тайну переписки, поскольку сами сообщения по-прежнему не передаются, а только создается техническая возможность их расшифровки при наличии судебного решения на прослушивание). Исходя из этого, ВС РФ фактически расширительно истолковал обязанности организатора распространения информации, указав,

что понятие «информация, необходимая для декодирования сообщений» включает в себя и ключи шифрования, даже если прямо в законе они не перечислены.

Данный судебный акт закрепил в практике понимание терминов: «электронное сообщение» – любое зашифрованное или не зашифрованное сообщение пользователя, «информация для декодирования» – не только сама переписка, но и технические данные (ключи), позволяющие прочитать переписку.

Фактически здесь произошло подзаконное уточнение понятия: закон не упоминал слово «ключ», но суды признали, что это подразумевается. Такая трактовка расширила пределы обязанностей интернет-сервисов.

Третьей тенденцией судебной практики является, напротив, использование ограничительного толкования во избежание нарушения прав.

В практике рассмотрения судами уголовных дел о неправомерном доступе к компьютерной информации (ст. 272 УК РФ) были случаи, когда следствие очень широко трактовало понятие «неправомерного доступа», расширяя его до фактически любого несогласованного использования компьютера. Системному администратору, имевшему право доступа, но превысившему полномочия, инкриминировали ст. 272 УК РФ, хотя он не «взламывал» систему. Суды в своей деятельности использовали ограничительное толкование и требовали доказать наличие специальной защиты и ее преодоление, в противном случае признавали отсутствие состава преступления. В Постановлении Пленума Верховный Суд РФ разъяснил, что неправомерным доступом к компьютерной информации является получение или использование такой информации без согласия обладателя информации лицом, не наделенным необходимыми для этого полномочиями, либо в нарушение установленного нормативными правовыми актами порядка, независимо от формы такого доступа (путем непосредственного проникновения к источнику хранения информации в компьютерном устройстве, принадлежащем другому лицу, либо путем удаленного доступа)¹¹.

Кроме того, в указанном Постановлении Пленума Верховный Суд РФ дал определение важных для правоприменительной практики понятий: «модификация компьютерной информации», «копирование компьютерной информации»,

⁷ Постановление Конституционного Суда России от 25 мая 2021 № 22-П // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 30.09.2025).

⁸ Информационное письмо Президиума ВАС России от 18 января 2011 года № 144 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 30.09.2025).

⁹ Обзор практики рассмотрения судами дел по спорам о защите чести, достоинства и деловой репутации (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 16.03.2016) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 30.09.2025).

¹⁰ Решение Верховного Суда России от 20 марта 2018 года № АКПИ17-1181 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 30.09.2025).

¹¹ Постановление Пленума Верховного Суда России от 15 декабря 2022 года № 37 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 30.09.2025).

«нейтрализация средств защиты компьютерной информации», «создание вредоносных компьютерных программ или иной вредоносной компьютерной информации», «распространение вредоносных компьютерных программ или иной вредоносной компьютерной информации», «использование вредоносных компьютерных программ или иной вредоносной компьютерной информации» и др.

Наконец, четвертой тенденцией судебной практики является стимулирование законодательных изменений, направленных на совершенствование терминологии в информационной сфере.

Высшие судебные органы в силу правовых позиций способствуют уточнению понятий на уровне закона, а «законодатель, уточняя нормы, институционализирует судебное толкование» [12].

Обобщая анализ судебной практики, можно выделить несколько ключевых проблемных моментов в толковании понятийного аппарата информационного права.

Во-первых, наблюдается активная роль судов всех уровней в конкретизации и адаптации законодательных норм. Столкнувшись с широкими и абстрактными дефинициями (например, «информация» или «персональные данные»), а также с постоянным появлением новых информационных технологий и новых общественных отношений, суды вынуждены вырабатывать более конкретные критерии для их применения. Это проявляется в детализации условий ответственности информационных посредников¹², в установлении баланса между различными правами и интересами¹³. По нашему мнению, в этих случаях суды фактически осуществляют функцию судебного правотворчества, устраняя пробелы и уточняя содержание правовых норм¹⁴.

Во-вторых, эта конкретизация часто носит казуистичный характер. Решения и разъяснения судов (особенно ВС РФ) нередко основаны на специфических обстоятельствах конкретного дела. Это позволяет учесть все нюансы ситуации, но затрудняет формирование универсальных, легко применимых правил и критериев. В результате правоприменение может оставаться недостаточно предсказуемым.

В-третьих, выявляются противоречия и расхождения в подходах. Наиболее заметно это

проявляется в сравнении позиций судебных органов и административных регуляторов. Однако и внутри судебной системы могут наблюдаться различные подходы. Например, позиция Верховного Суда РФ в понимании термина «электронная почта» как вида персональных данных¹⁵ может рассматриваться как более ограничительная по сравнению с общим подходом на расширительное толкование понятия «персональных данных». Практика арбитражных судов может иметь свою специфику, обусловленную экономическим контекстом споров¹⁶.

В-четвертых, несмотря на усилия Верховного Суда РФ по унификации судебной правоприменительной практики¹⁷, полного единообразия достичь не удается. Сохраняется неопределенность в толковании ряда ключевых понятий, что подтверждает гипотезу о фрагментарности существующей системы.

Иначе говоря, судебная практика выступает одновременно и как фактор развития понятийного аппарата, и как источник его усложнения и потенциальной противоречивости.

Наряду с судебной системой существенное влияние на формирование практического содержания понятийного аппарата информационного права оказывают административные органы, наделенные контрольно-надзорными полномочиями в данной сфере. Их деятельность, включающая издание разъяснений, ведение реестров, проведение проверок и привлечение к ответственности, во многом определяет, как законодательные нормы и дефиниции применяются на практике.

Ключевыми регуляторами при этом выступают Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), Федеральная служба по техническому и экспортному контролю (ФСТЭК России) и Федеральная служба безопасности (ФСБ России), а также профильные министерства и ведомства. Указанные органы государственной власти в процессе применения нормативных правовых актов дают им определенное толкование, которое затем или принимается судами, или корректируется.

¹² Обзор судебной практики рассмотрения гражданских дел, связанных с нарушением авторских и смежных прав в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 29.05.2024) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 30.09.2025).

¹³ Постановление Конституционного Суда России от 25 мая 2021 года № 22-П // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 30.09.2025).

¹⁴ Обзор практики Суда по интеллектуальным правам по вопросам, возникающим при применении норм Гражданского кодекса Российской Федерации о правовой охране программ для ЭВМ и баз данных (утв. постановлением Президиума Суда по интеллектуальным правам от 18 ноября 2021 г. № СП-21/26 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 30.09.2025).

¹⁵ Определение Верховного Суда России от 21 июля 2023 года № 305-ЭС23-12160 по делу № А40-139096/2022 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 30.09.2025).

¹⁶ Обзор практики Суда по интеллектуальным правам по вопросам, возникающим при применении норм Гражданского кодекса Российской Федерации о правовой охране программ для ЭВМ и баз данных (утв. постановлением Президиума Суда по интеллектуальным правам от 18 ноября 2021 г. № СП-21/26 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 30.09.2025).

¹⁷ Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2021) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 10.11.2021) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 30.09.2025).

Несовершенство понятийного аппарата создает серьезные практические проблемы для регуляторов (например, в сфере информационной безопасности) и иных правоприменителей, которые вынуждены самостоятельно толковать ключевые термины¹⁸ [3].

Существует угроза правовой неопределенности в области информационной безопасности и ответственности за совершение правонарушений.

Так, например, отдельные авторы отмечают несоответствие общепризнанной классификации угроз информационной безопасности современному состоянию информатизации, что порождает большие затруднения при применении положений главы 28 Уголовного кодекса Российской Федерации для правовой оценки новых видов правонарушений¹⁹.

Несовершенство текстов законов создает препятствия в понимании определений терминов и понятий при расследовании уголовных дел и формулировании обвинения [16].

В контексте формирования понятийного аппарата информационного права административная практика регуляторов выполняет несколько важных функций.

Во-первых, она конкретизирует и детализирует общие и зачастую абстрактные законодательные нормы и дефиниции. Роскомнадзор, ФСТЭК РФ и ФСБ РФ с помощью своих разъяснений²⁰, методических рекомендаций и требований переводят общие принципы в конкретные правила поведения и технические стандарты. Например, широкое понятие «обработка персональных данных» конкретизируется через требования Роскомнадзора к получению согласия для различных ситуаций, требования к политике конфиденциальности, порядок уведомления и т. д. Понятие «обеспечение безопасности персональных данных» детализируется через перечень конкретных мер в Приказе ФСТЭК № 21 от 18.02.2013²¹. В этом смысле административная практика восполняет пробелы в законодательном регулировании, делая его более применимым на практике.

Во-вторых, административная практика формирует стандарты, систему мер и условий, которые помогают компаниям работать в соответствии с законодательством и корпоративными правилами в регулируемой сфере. Поскольку именно регуляторы осуществляют повседневный контроль и привлекают к ответственности, их позиция по толкованию норм и понятий становится для поднадзорных субъектов основным ориентиром.

Даже если позиция регулятора спорна или расходится с отдельными судебными решениями, бизнес часто предпочитает следовать ей, чтобы минимизировать риски административного преследования. Соответственно, практика Роскомнадзора, ФСТЭК РФ и ФСБ РФ формирует не только формальные требования, но и неформальные стандарты поведения в информационной сфере.

Административная практика регуляторов устанавливает своего рода подзаконный понятийный аппарат, направляя множество писем, методических указаний, приказов, которыми должны руководствоваться подконтрольные субъекты. С 2020-х гг. в практике регулирования появились случаи, когда сложные технические требования, содержащие новые определения (например, «суверенный интернет», «глубокий пакетный анализ», «технические средства противодействия угрозам») вводятся в ненормативные документы, что делает понятийную систему еще более запутанной.

В отличие от судебной системы, реагирующей на конкретный спор, регуляторы вынуждены создавать систему предупреждения совершения административных правонарушений. Хорошим примером разъяснительной работы является практика ФАС России. Столкнувшись с массой коллизионных ситуаций в интернет-рекламе, было разработано «Руководство по соблюдению обязательных требований “Понятие рекламы”»²².

Указанное руководство не создает новых обязанностей или новых составов правонарушений, оно разъясняет применение существующего Федерального закона «О рекламе», документ проводит разграничение «рекламы» и «информационных материалов», «рекламы» и «информационных сообщений оператора связи», обобщает опыт рассмотрения спорных ситуаций.

Руководство по соблюдению обязательных требований «Понятие рекламы» не является нормативным правовым актом, но служит важнейшим ориентиром для участников рынка. В результате снижаются риски невольного правонарушения, достигается цель документа – недопущение нарушений и введения в заблуждение потребителей, что защищает права граждан, предотвращаются потенциальные споры, что уменьшает нагрузку на судебную систему.

В целом административная практика свидетельствует о том, что рассогласованность понятий

¹⁸ Пархоменко Н. Г., Пархоменко П. Н., Федоренко Н. В. Многоуровневая модель понятийного аппарата в области информационного права и информационной безопасности // Защита информации. Конфидент. 2004. № 3. – URL: <https://cprspb.ru/bibl/orv/40.html> (дата обращения: 30.09.2025).

¹⁹ Там же.

²⁰ Рекомендации Роскомнадзора операторам персональных данных (утв. Роскомнадзором 08.08.2023) // СПС «Консультант-Плюс» (дата обращения: 30.09.2025); Разъяснения законодательства в сфере защиты прав субъектов персональных данных. – URL: <https://66.rkn.gov.ru/directions/p18760/p20284/> (дата обращения: 10.09.2025).

²¹ Приказ ФСТЭК России от 18 февраля 2013 года № 21 (ред. от 14.05.2020 // Рос. газета. 2013. 22 мая. № 107.

²² Приказ ФАС России от 14 ноября 2023 года № 821/23 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 30.09.2025).

приводит к различиям в правоприменении, которые, как правило, корректируются судебной практикой.

Проведенный анализ судебной и административной практики позволяет перейти к обобщению наблюдений относительно реального состояния понятийного аппарата информационного права Российской Федерации. Становится очевидным, что формальные легальные дефиниции, закрепленные в законодательстве, являются лишь отправной точкой, а их реальное содержание и границы применения во многом формируются в процессе правоприменительной деятельности судов и регуляторов.

По многим ключевым понятиям информационного права существует значительный разрыв между лаконичными (а иногда и устаревшими) легальными дефинициями и их сложным, многоаспектным толкованием в правоприменительной практике. Особенно ярко это проявляется в отношении понятия «персональные данные». Административная практика Роскомнадзора последовательно идет по пути расширительного толкования понятия «персональные данные», стремясь охватить регулированием максимально широкий круг субъектов и операций. Судебная практика, в свою очередь, пытается внести большую определенность и сбалансированность, но ее казуистичный характер и потенциальные расхождения с деятельностью регуляторов не всегда способствуют формированию единого и предсказуемого понятийного поля.

Правоприменительная практика не просто применяет существующие законодательные дефиниции, но активно участвует в их корректировке. Необходимость разрешать конкретные споры, возникающие в условиях быстро меняющейся технологической и социальной среды, заставляет суды и регуляторов постоянно адаптировать и переосмысливать содержание правовых понятий.

Практика выявляет такие недостатки законодательных формулировок, как чрезмерная абстрактность, недостаточная четкость критериев или устаревание в контексте новых технологических преобразований.

Следовательно, понятийный аппарат информационного права РФ оказывается весьма динамичным. Он не является статичной системой, заданной раз и навсегда законодателем, а представляет собой живой организм, постоянно развивающийся под влиянием правоприменительной практики. Эта динамичность позволяет праву реагировать на вызовы времени, но ее оборотной стороной, как было показано, является снижение правовой определенности и возникновение внутренних противоречий [17]. Практика «наполняет понятия жизнью», но не всегда способствует их системному единству.

На основании проведенного анализа современного состояния терминологической системы информационного права РФ, судебной и административной практики ее применения можно сформулировать следующие выводы.

Сложившаяся в практике регулирования информационных отношений система понятий имеет преимущественно фрагментарный, бессистемный характер.

Отсутствие единого легального глоссария и научно обоснованной системы понятий информационного права вынуждает суды и иные правоприменительные органы (включая регуляторов – Роскомнадзор, ФСТЭК РФ, ФСБ РФ – в рамках их компетенции в области информационно-телекоммуникационных технологий и информационной безопасности) самостоятельно, зачастую расширительно или ограничительными методами, толковать ключевые термины. Это приводит к нарушению принципа правовой определенности, формированию противоречивой правоприменительной практики, необходимости последующей судебной коррекции.

Нарушение принципа правовой определенности приводит к недостаточной ясности и противоречивости дефиниций в текстах законов, что создает трудности в интерпретационной деятельности и не способствует успеху в борьбе с правонарушениями в информационной сфере [18].

Административные регуляторы в отсутствие подробных норм выработали подзаконную систему понятий и подходов, которая не всегда совпадает с законодательной или судебной практикой, что порождает конфликты и неопределенность. В частности, Роскомнадзор и другие органы расширительно интерпретируют понятия «запрещенная информация», «персональные данные» (включая технические идентификаторы) и др., и эта позиция не всегда принимается судами при вынесении решений. На практике складывается ситуация, когда до обращения в суд регулятор трактует норму максимально широко (в интересах контроля), а при судебном оспаривании нередко происходит сужение или признание незаконности слишком широкой трактовки.

При формировании противоречивой правоприменительной практики возникают коллизии в правовом регулировании (например, в вопросах защиты персональных данных и информационной безопасности), когда объем и содержание понятий могут толковаться избирательно, в зависимости от интересов субъекта правоприменения [19].

Имеет место расхождение между легальными определениями и их практическим содержанием (правоприменительным толкованием). Сформировалась устойчивая практика расширительного толкования отдельных понятий сверх их текстуальных границ и, напротив, ограничительного применения других норм в целях исключения их чрезмерности.

Необходимость последующей судебной коррекции приводит к тому, что Конституционный Суд РФ и Верховный Суд РФ вынуждены выступать в качестве компенсационного механизма,

уточняя и конкретизируя понятия, что подтверждает изначальное несовершенство законодательных дефиниций и наличие пробелов в правотворческой технике [4].

Суды де-факто выполнили правотворческую функцию по наполнению понятийного аппарата конкретным содержанием, компенсируя пробелы законодательства. Суды высших инстанций в ряде решений сформулировали, по существу, новые правила, восполнившие недостатки нормотворчества [5]. Например, определили конституционно-правовой смысл термина «обладатель информации» и др. Эти толкования приобрели нормативную значимость, хотя исходно в законе не были прописаны.

Для преодоления терминологической неопределенности и обеспечения правовой определенности предлагается активизировать разработку методологии выявления и классификации понятийного аппарата, а также обеспечить научно обоснованную систематизацию и кодификацию информационного законодательства, что, однако, пока сдерживается отсутствием базовых законов по ключевым направлениям (таких как «Об электронном документе», «О праве на доступ к информации» и др.) [20].

Обсуждение

Проведенное исследование показало, что современный понятийный аппарат информационного права России нельзя признать полностью целостным и согласованным.

В сложившейся ситуации правоприменительным органам следует активнее пользоваться возможностями официального разъяснения. Необходимо, чтобы Пленум ВС РФ в отдельном постановлении разъяснил применение законодательства об информации и информационных технологиях. В нем следовало бы обобщить те интерпретации, которые уже появились в разных постановлениях и обзорах, тем самым предоставив нижестоящим судам и другим участникам информационных отношений четкий ориентир в правоприменении. По сути – создать «словарь практики» на базе накопленного опыта. Предлагаемый акт должен стать не просто техническим справочником, а доктринальным и методологическим ориентиром, гармонизирующим юридическую составляющую понятийного аппарата, снижающим существующую правовую неопределенность. В решениях Конституционного Суда РФ необходимо активнее соотносить конституционные права и вызовы цифровой эпохи (например, право на отказ от цифровых технологий [21]), конкретизируя спорные понятия и устанавливая требуемые рамки толкования.

Таким образом, отсутствие единого легального глоссария затрудняет деятельность судов и правоприменительных органов, которые вынуждены самостоятельно толковать ключевые термины, что порождает противоречивую практику и нарушает принцип правовой определенности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- [1] Дейнеко А. Г. Публичное право в киберпространстве: публично-правовое регулирование информационных отношений. М. : Проспект, 2025. 248 с. ISBN 978-5-392-42996-7. EDN SBSOHL.
- [2] Полякова Т. А., Минбалеев А. В., Наумов В. Б. [и др.]. Новые горизонты развития системы информационного права в условиях цифровой трансформации. М. : Институт государства и права РАН, 2022. С. 57–61. ISBN 978-5-8339-0215-8. EDN IGSBUK.
- [3] Апт Л. Ф. Легальные определения в законодательстве и судебной практике. М. : ПАП. 2010. 233 с. ISBN 978-5-93916-214-2. EDN RAXWGL.
- [4] Головина С. Ю. Понятийный аппарат трудового права : монография. Екатеринбург : Изд-во УрГЮА, 1997. С. 147–151. ISBN 5-7845-0038-4. EDN XWNYVV.
- [5] Кокотов А. Н. Рассмотрение Конституционным Судом Российской Федерации судебных дел как научно-практический дискурс // Юридическая наука и практика : Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 2 (66). С. 323–326. EDN EKEBNA.
- [6] Апт Л. Ф. Развитие понятий законодательства в актах судебной практики : монография. М. : ПАП. 2013. 320 с. ISBN 978-5-93916-387-3. EDN SUGWUD.
- [7] Морозова А. С., Выдрин И. В. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации в обеспечении единства судебной практики // Правовое государство: теория и практика. 2017. № 2 (48). С. 123–131. EDN YSUBXN.
- [8] Власенко Н. А. Проблемы правовой неопределенности : курс лекций. М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации ; ИНФРА-М. 2015. 174 с. DOI 10.12737/11160. ISBN 978-5-16-011136-0.
- [9] Алексеев С. С. Общая теория права: в 2 т., т. 2. М. : Юрид. лит., 1982. С. 310–314. EDN RLSTQN.
- [10] Зорькин В. Д. Конституционно правовое развитие России. М. : Норма ; ИНФРА-М, 2011. 720 с. ISBN 978-5-91768-221-1. EDN SDQRMD.
- [11] Лазарев В. В. Пробелы в праве и пути их устранения М. : Юридическая литература, 1974. 184 с. EDN VMPYVL.
- [12] Гаджиев Г. А., Войниканис Е. А. Pacing problem и возрождение судебного нормотворчества // Закон. 2021. № 6. С. 122–138. DOI 10.37239/0869-4400-2021-16-6-122-138. EDN GBXXCU.
- [13] Чиркин В. Е. Конституционная терминология / В. Е. Чиркин; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ.

- М. : Юридическое издательство «Норма», 2021. 272 с. ISBN 978-5-91768-439-0. EDN SKJJOR.
- [14] Батурин Ю. М., Полякова Т. А., Минбалеев А. В. [и др.]. Правовое обеспечение суверенитета и кодификация информационного законодательства. М. : Институт государства и права РАН, 2024. 228 с. ISBN 978-5-8339-0296-7. EDN CIYCST.
- [15] Митин А. Н., Паршуков М. И. Общечеловеческие, традиционные российские духовно-нравственные ценности в системе обеспечения информационной безопасности Российской Федерации // Право и управление. XXI век. 2024. Т. 20, № 1. С. 24–43. DOI 10.24833/2073-8420-2024-1-70-24-43. EDN IFYMAA.
- [16] Кузнецов П. У., Мохов В. В. Проблемы предупреждения преступлений в информационной сфере: межотраслевые аспекты // Российский юридический журнал. 2004. № 1 (41). С. 30–36. EDN QACQQT.
- [17] Полякова Т. А., Троян Н. А. Актуальные проблемы систематизации законодательства России под влиянием цифровых технологий в период цифровой трансформации // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2023. № 2 (102). С. 25–33. DOI 10.17803/2311-5998.2023.102.2.025-033. EDN OQNOSA.
- [18] Система права и система законодательства: современное состояние и перспективы развития в цифровую эпоху : монография / под науч. ред. А. В. Корнева. М. : Проспект, 2019. 176 с. ISBN 978-5-392-29955-3. DOI 10.31085/9785392299553-2019-176. EDN FHHCJI.
- [19] Информационное право. Актуальные проблемы теории и практики : монография / под общ. ред. И. Л. Бачило. М. : Юрайт, 2009. 530 с. ISBN 978-5-9916-0032-3. EDN VTSECP.
- [20] Бачило И. Л. О методологии выявления и классификации понятийного аппарата в информационном праве // Понятийный аппарат информационного права : сборник трудов. М. : Канон+, 2015. С. 8–17. EDN YTDQPG.
- [21] Наумов В. Б. Право на отказ от цифровых технологий в сфере искусственного интеллекта // Мировоззренческие аспекты информационной безопасности в условиях цивилизационных противоречий : монография. Екатеринбург : Уральский государственный юридический университет им. В. Ф. Яковлева, 2025. С. 182–194. EDN XYTZQS.

REFERENCES

- [1] Deineko, A. G. (2025) Public law in cyberspace: public-law regulation of information relations. Moscow, Prospect, 248 p. ISBN 978-5-392-42996-7. <https://elibrary.ru/sbsonl>.
- [2] Polyakova, T. A., Minbaleev, A. V., Naumov, V. B. [et al.] (2022) New horizons for the development of the information law system in the context of digital transformation. Moscow, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, pp. 57–61. ISBN 978-5-8339-0215-8. <https://elibrary.ru/igsbuk>.
- [3] Apt, L. F. (2010) Legal definitions in legislation and judicial practice. Moscow, RAP, 233 p. ISBN 978-5-93916-214-2. <https://elibrary.ru/raxwgl>.
- [4] Golovina, S. Yu. (1997) Conceptual apparatus of labor law. Ekaterinburg, Publishing house of Ural State Law Academy, pp. 147–151. ISBN 5-7845-0038-4. <https://elibrary.ru/xwnyvv>.
- [5] Kokotov, A. N. (2024) Consideration by the Constitutional Court of the Russian Federation Court Cases as Scientific and Practical Discourse. *Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, (2), pp. 323–326. <https://elibrary.ru/ekebna>.
- [6] Apt, L. F. (2013) Development of legislative concepts in judicial practice acts. Moscow, RAP, 320 p. ISBN 978-5-93916-387-3. <https://elibrary.ru/sugwud>.
- [7] Morozova, A. S., Vydrin, I. V. (2017) Legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation in support of unity of judicial practice. *Legal state: theory and practice*, (2), pp. 123–131. <https://elibrary.ru/ysubxn>.
- [8] Vlasenko, N. A. (2015) Problems of legal uncertainty: a course of lectures. Moscow, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation; INFRA-M, 174 p. DOI 10.12737/11160. ISBN 978-5-16-011136-0.
- [9] Alekseev, S. S. (1982) General theory of law: in 2 volumes, volume 2. Moscow, Legal Literature, pp. 310–314. <https://elibrary.ru/rlstqn>.
- [10] Zorkin, V. D. (2011) Constitutional and legal development of Russia. Moscow, Norma; INFRA-M, 720 p. ISBN 978-5-91768-221-1. <https://elibrary.ru/sdqrmd>.
- [11] Lazarev, V. V. (1974) Gaps in the law and ways to eliminate them. Moscow, Legal Literature, 184 p. <https://elibrary.ru/vmpyvl>.
- [12] Gadzhiev, G. A., Voynikanis, E. A. (2021) Pacing Problem and the Revival of Rudicial Rulemaking. *Law*, (6), pp. 122–138. <https://elibrary.ru/gbxxcu>.
- [13] Chirkin, V. E. (2021) Constitutional terminology. Moscow, Legal Publishing House «Norma», 272 p. ISBN 978-5-91768-439-0. <https://elibrary.ru/skjjor>.
- [14] Baturin, Yu. M., Polyakova, T. A., Minbaleev, A. V. [et al.] (2024) Legal support for sovereignty and codification of information legislation. Moscow, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, 228 p. ISBN 978-5-8339-0296-7. <https://elibrary.ru/ciycst>.
- [15] Mitin, A. N., Parshukov, M. I. (2024) Universal, Traditional Russian Spiritual and Moral Values in the Information Security System of the Russian Federation. *Journal of Law and Administration*, 20 (1), pp. 24–43. <https://doi.org/10.24833/2073-8420-2024-1-70-24-43>. <https://elibrary.ru/ifymaa>.
- [16] Kuznetsov, P. U., Mokhov, V. V. (2004) Problems of crime prevention in the information sphere: intersectoral aspects. *Russian Law Journal*, (1), pp. 30–36. <https://elibrary.ru/qacqqt>.
- [17] Polyakova, T. A., Troyan, N. A. (2023) Current Problems of Russian Legislation Systematization under the Influence of Digital Technologies in the Conditions of Digital Transformation. *Courier of Kutafin Moscow State*

- Law University (MSAL), (2), pp. 25–33. <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2023.102.2.025-033>. <https://elibrary.ru/oqnosa>.
- [18] Kornev, A. V. [edited] (2019) *The System of Law and the System of Legislation: the Current State and Prospects of development in the Digital Age*. Moscow, Prospect, 176 p. <https://elibrary.ru/fhhcji>.
- [19] Bachilo, I. L. [edited] (2009) *Information law. Actual problems of theory and practice*. Moscow, Yurait, 530 p. ISBN 978-5-9916-0032-3. <https://elibrary.ru/vtsecp>.
- [20] Bachilo, I. L. (2015) On the methodology of identifying and classifying the conceptual apparatus in information law. *Conceptual apparatus of information law: collection of works*. Moscow, Canon+, pp. 8–17. <https://elibrary.ru/ytdqpg>.
- [21] Naumov, V. B. (2025) The right to refuse digital technologies in the sphere of artificial intelligence. *Ideological aspects of information security in the context of civilizational contradictions*. Yekaterinburg, Ural State Law University named after V.F. Yakovlev, pp. 182–194. <https://elibrary.ru/xytzqs>.